

УДК 159.99

EDN IQBLXS

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-426-434>

Научная статья

Психологические особенности эмоциональной направленности личности, склонной к кибербуллингу

Р. И. Зекерьяев^{✉1}

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015, Россия, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8

Сведения об авторе

Руслан Ильвисович Зекерьяев, SPIN-код: 4667-8763, ORCID: 0000-0001-8366-0183, e-mail: ruslan51291@mail.ru

Для цитирования: Зекерьяев, Р. И. (2023) Психологические особенности эмоциональной направленности личности, склонной к кибербуллингу. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 426–434. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-426-434> EDN IQBLXS

Получена 6 января 2023; прошла рецензирование 16 февраля 2023; принята 27 февраля 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Р. И. Зекерьяев (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. В современном мире вхождение человека в социокультурное пространство сети Интернет становится все более распространенным явлением. При этом психологические особенности личности становятся детерминантами, определяющими ее поведение в виртуальной среде. Наряду с конструктивными моделями социального взаимодействия у личности в сети Интернет могут также формироваться паттерны, реализация которых может наносить психологический вред другим участникам виртуальной коммуникации, например, кибербуллингу. Психологические особенности личности, способствующие формированию у нее в сети Интернет склонности к данной форме поведения, в частности эмоциональная направленность, изучены недостаточно. Таким образом, целью исследования является выявление различий в эмоциональной направленности у личностей с различным уровнем склонности к кибербуллингу.

Материалы и методы. Для участия в исследовании среди пользователей сети Интернет были случайным образом отобраны 60 человек в возрасте от 14 до 35 лет, среди которых 26 мужчин и 34 женщины. Программно-методическое обеспечение исследования включало в себя опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова и авторский исследовательский опросник «Направленность поведения личности в интернет-пространстве». В ходе математико-статистической обработки данных были использованы Н-критерий Крускала — Уоллиса и корреляционный анализ.

Результаты. В ходе исследования было обнаружено, что уровень склонности личности к кибербуллингу в интернет-пространстве может возрастать вместе с повышением уровня пугливости и глорической эмоциональных направленностей. Это проявляется в том, что по мере возрастания ценности аффективных переживаний, связанных с преодолением опасностей и риском, а также стремлением к славе и самоутверждению, возрастает стремление к совершению актов виртуальной агрессии.

Заключение. Можно сделать вывод о существовании взаимосвязи между особенностями эмоциональной направленности личности и уровнем ее склонности к кибербуллингу. Результаты данного исследования могут быть использованы в процессе психологического сопровождения личности в процессе ее интернет-социализации. Перспектива дальнейших исследований заключается в поиске взаимосвязей между склонностью личности к кибербуллингу и другими особенностями ее ценностно-смысловой сферы.

Ключевые слова: интернет-пространство, кибербуллинг, эмоциональная направленность, пугливости направленность, глорическая направленность

Research article

Psychological features of the emotional orientation of a person prone to cyberbullying

R. I. Zekeriaev✉¹

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, 8 Uchebnyy Ln., Simferopol 295015, Russia

Author

Ruslan I. Zekeriaev, SPIN: 4667-8763, ORCID: 0000-0001-8366-0183, e-mail: ruslan51291@mail.ru

For citation: Zekeriaev, R. I. (2023) Psychological features of the emotional orientation of a person prone to cyberbullying. *Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 426–434. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-426-434>
EDN IQBLXS

Received 6 January 2023; reviewed 16 February 2023; accepted 27 February 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © R. I. Zekeriaev (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. In the modern world, the entry of a person into the socio-cultural space of the internet is becoming an increasingly common phenomenon. At the same time, the psychological characteristics of a person become determinants of his behavior in a virtual environment. Along with constructive models of social interaction, a person on the internet can also form patterns which can cause psychological harm to other participants of virtual communication — for instance, cyberbullying. There are insufficient studies on the psychological features of a person, such as emotional orientation, that contribute to the formation of a propensity for cyberbullying. The purpose of this article is to identify differences in the emotional orientation in individuals with different levels of propensity for cyberbullying.

Materials and Methods. The participants were 60 internet users aged 14 to 35 (26 male and 34 female) who were selected randomly. The methods included the questionnaire “Determination of the general emotional orientation” by B. I. Dodonov and the author’s questionnaire “The orientation of the behavior of the individual in the internet space”. Kruskal-Wallis H-test and correlation analysis was used for mathematical processing.

Results. The study revealed that the level of a person’s propensity for cyberbullying can increase along with an increase in the level of pugnacious and gloriose emotional orientations. Specifically, the desire to commit acts of virtual aggression increases along with the increase of the value of affective experiences associated with aspiration for fame and self-affirmation as well as overcoming dangers and risks.

Conclusion. There is a relationship between the features of the emotional orientation of a person and the level of the person’s propensity for cyberbullying. The results of this study can be used in the psychological support of individuals in the process of their internet socialization. Further research may focus on identifying the relationships between a person’s propensity for cyberbullying and other features of the person’s value-semantic sphere.

Keywords: internet space, cyberbullying, emotional orientation, pugnacious orientation, gloriose orientation

Введение

В современном мире вхождение человека в социокультурную среду сети Интернет становится все более распространенным явлением. При этом жизненное пространство личности расширяется за счет новых возможностей, которые дает виртуальное пространство. Благодаря частично-поисковой и компенсаторной функциям при переходе в сеть Интернет человек может создавать один или несколько виртуальных образов с различной степенью конгруэнт-

ности, проживать одновременно несколько жизней в разных хронотопах и т. д. При этом личность может не только использовать привычные модели поведения, но и прибегать к принципиально новым для себя, которые порой могут носить деструктивный характер по отношению к другим участникам виртуальной коммуникации. Одной из форм такого поведения является кибербуллинг. Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвященных теме асоциального поведения в сети Интернет, недостаточно изученным оста-

ются психологические особенности личности, способствующие формированию склонности к кибербуллингу, в частности ее эмоциональная направленность.

Целью статьи является выявление различий в проявлении эмоциональной направленности у личностей с различным уровнем склонности к кибербуллингу.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

Описывая кибербуллинг как форму асоциального поведения в интернет-пространстве, Н. С. Бобровникова отмечает, что он представляет собой форму террора, в которой поведение агрессора может варьироваться от имплицитных провокаций конфликта до прямого оскорбления других участников социального взаимодействия. По мнению исследовательницы, данному виду деструктивного поведения присуща особая антисоциальность, проявляющаяся в шантаже, издевательствах, угрозах и т. д. Также подчеркивается, что последствия кибербуллинга могут быть опасными для жертвы и выражаться в ее стремлении к социальной изоляции, возникновению суицидальных намерений и развитию нарушений пищевого поведения (Бобровникова 2015).

Ряд ученых отмечают, что кибербуллинг наносит комплексный вред, затрагивая различные аспекты человеческой жизни: социальный (снижение уровня коммуникативных навыков, отчуждение, избегание общения), психологический (снижение самооценки, уверенности в себе и в своих взглядах), физиологический (нарушения сна, возникновение головных болей, снижение работоспособности, потеря иммунитета и т. д.). Несмотря на то, что акты асоциального поведения происходят в интернет-среде, его последствия проявляются в реальном пространстве. Описывая кибербуллинг, ученые выделяют различные варианты его проявления, к которым относятся: распространение личной информации о жертве, создание фиктивной страницы — копии жертвы, систематические нападки и угрозы в адрес жертвы, формирование ситуации социального отчуждения жертвы и т. д. (Герш 2015; Цилюгина, Трофимова 2017).

Анализируя феномен кибербуллинга, А. А. Баранов и С. В. Рожина выделяют ряд признаков ему особенностей, к которым можно отнести: существование данного вида поведения исключительно в виртуальном пространстве; личность агрессора, как правило, является неконгруэнтной; отсутствие ограничений,

связанных с правилами и нормами социального поведения. Ученые также отмечают, что если в реальном пространстве травле подвергаются чаще всего люди, имеющие «предпосылки жертвы», то в сети Интернет объектом кибербуллинга может стать любой человек, не имеющий «стигм» жертвы. Также выявлено, что к причинам, побуждающим человека к такому виду деструктивного поведения, можно отнести низкий уровень его самооценки, чувство зависти и попытки самоутвердиться за счет других людей, выбираемых в качестве жертв (Баранов, Рожина 2015).

Исследователи, изучая причины возникновения кибербуллинга, выделяют ряд следующих причин: желание превосходства и завоевание статуса в референтной группе, субъективное переживание собственной неполноценности, чувства зависти или ревности, стремление отомстить, желание развлечься, неосознанная потребность в сублимации личностных проблем. По мнению ученых, агрессор не видит аффективные реакции жертвы, из-за чего проявляет эмоциональную отстраненность и слабо понимает травматические последствия своих нападков. Вместе с тем благодаря анонимности у кибербуллера может возникать чувство безнаказанности за свои действия, что также усиливает желание совершать акты агрессии. Сам же кибербуллинг исследователи определяют как психологический террор с целью вызвать у жертвы чувство страха и подчинить ее себе (Дозорцева, Кирюхина 2020; Мельцов и др. 2020).

Описывая особенности кибербуллинга, В. Н. Бородина и А. И. Петимко отмечают, что виртуальный агрессор зачастую остается анонимным, а в сам процесс за короткий промежуток времени может вовлекаться большое количество людей. При этом в процессе виртуального террора практически не имеют значения такие особенности личности, как возраст, пол, социальный статус и т. д. Исследователи также констатируют, что агрессор может наносить большой вред психологическому здоровью жертвы, при этом сама травля может осуществляться в любое время и в любом количестве, достаточно лишь выхода в сеть Интернет (Бородина, Петимко 2021).

Ряд ученых, анализируя феномен кибербуллинга, определяют его как психологическую агрессию, которая опосредуется информационно-коммуникационными технологиями. Особыми свойствами, которые способствуют увеличению вреда, присущего данному феномену, являются: полная анонимность, эффект растормаживания в виртуальном пространстве, физическая

удаленность агрессора от жертвы, постоянство и возможность систематических актов агрессии, публичность данного процесса. Исследователи также отмечали, что кибербуллинг присуща размытость границ отношений между его участниками, при которой жертва виртуальной агрессии не способна выстраивать правильный формат диалога, что провоцирует возникновение у нее чувства беспомощности (Вихман и др. 2021; Можейко, Иванова 2022).

По мнению ряда исследователей, кибербуллинг представляет собой систематическую травлю агрессором жертвы в интернет-пространстве. Учеными был выявлен ряд психологических особенностей кибербуллинга, к которым можно отнести большое количество и обезличенность свидетелей агрессивных нападок; отсутствие наказания за совершаемые агрессором действия; возможность непрерывного преследования жертвы; слабая контролируемость действий и, как следствие, чрезмерно высокое давление со стороны агрессора; возможность преследования одновременно в нескольких сетевых сообществах. Кибербуллинг может приобретать различные формы, в том числе: киберотчуждение (исключение человека из социальной среды и публичное игнорирование), клевета (распространение заведомо неправдивой информации, порочащей честь и достоинство жертвы), выманивание личной информации и затем ее публичное размещение, создание ложных страниц под именем жертвы и осуществление с них негативной коммуникации (Chibbaro 2007; Kowalski, Limber 2013; Willard 2007).

Несмотря на широкую распространенность исследований кибербуллинга, необходимо отметить, что недостаточно изученным остается вопрос о личностных характеристиках, побуждающих человека к совершению актов кибербуллинга. В частности, открытым остается вопрос о психологических особенностях эмоциональной направленности личности, склонной к кибербуллингу. Изучая эмоциональную направленность, Б. И. Додонов указывал, что эмоции выполняют двойственную функцию в жизни человека. С одной стороны, они являются результатом оценки личностью происходящих событий, с другой же — они выступают ценностью. Эмоциональную направленность личности ученый описывал как устойчивую потребность в определенных аффективных переживаниях. Согласно Б. И. Додонову, человек может проявляться как личность в своей активной деятельности, выражающейся в мировоззрении

и направленности, в том числе и эмоциональной (Додонов 1978).

Сказанное выше определило цель нашего исследования, которая заключается в выявлении различий в эмоциональной направленности у личностей с различным уровнем склонности к кибербуллингу.

Организация и методы исследования

Эмпирическую базу проводимого исследования составили 60 человек с различным уровнем асоциального поведения в интернет-пространстве. Поло-возрастное распределение респондентов: 26 мужчин и 34 женщины в возрасте от 14 до 35 лет. Респонденты были привлечены с помощью рассылки приглашений к участию в исследовании и были выбраны методом случайных чисел.

В ходе исследования был использован ряд методик:

- 1) опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова (Додонов 1978);
- 2) авторский исследовательский опросник «Направленность поведения личности в интернет-пространстве» (шкала «Склонность к кибербуллингу»), в ходе апробации которого были обоснованы его валидность и надежность (Зекерьяев 2022).

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что существует взаимосвязь между особенностями эмоциональной направленности личности и уровнем ее склонности к кибербуллингу.

Для подтверждения данной гипотезы был выдвинут ряд задач:

- 1) выявить и обосновать различия в проявлении эмоциональных направленностей у респондентов с различным уровнем склонности к кибербуллингу;
- 2) установить корреляционную связь между уровнями эмоциональных направленностей личности и уровнем ее склонности к кибербуллингу в интернет-пространстве.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования было обнаружено, что в изучаемой выборке присутствуют респонденты с различным уровнем склонности к кибербуллингу (рис. 1).

С помощью частотного анализа были обнаружены эмоциональные направленности, выраженность которых существенно различается

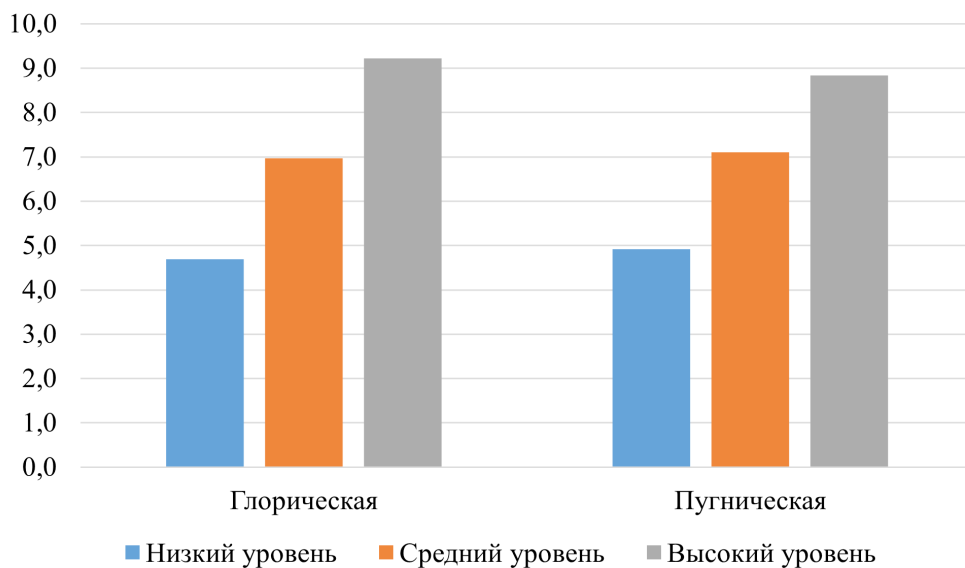

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню склонности к кибербуллингу

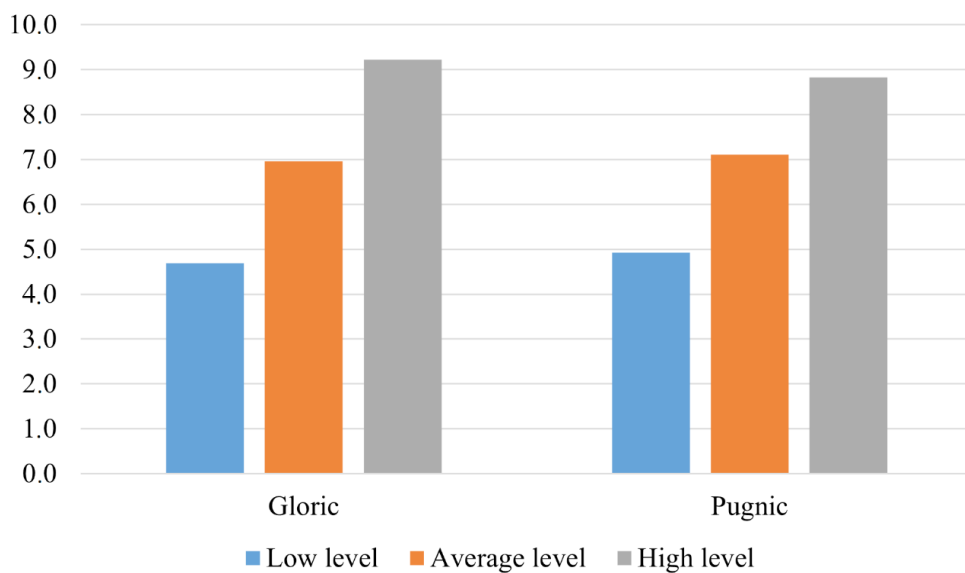

Fig. 1. Distribution of respondents by level of propensity for cyberbullying

Рис. 2. Выраженность эмоциональных направленностей у личностей с различным уровнем склонности к кибербуллингу (по результатам частотного анализа)

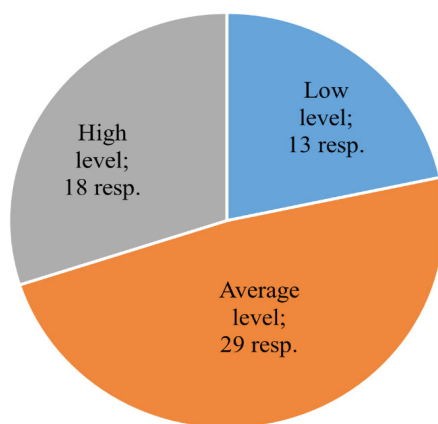

Fig. 2. The degree of manifestation of emotional orientations in individuals with different levels of propensity for cyberbullying (according to frequency analysis)

у респондентов с различным уровнем склонности к кибербуллингу (рис. 2.).

Из рисунка 2 видно, что по мере возрастания выраженности пугнической и глорической эмоциональной направленностей также возрастает склонность к кибербуллингу.

Для оценки различий в выраженности данных эмоциональных направленностей у респондентов с различным уровнем склонности к кибербуллингу был использован Н-критерий Крускала — Уоллиса (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что у респондентов с различным уровнем склонности к кибербуллингу существуют статистически достоверные

различия в проявлении глорической ($H_{\text{эмп}} = 47,842, \rho < 0,05$) и пугнической ($H_{\text{эмп}} = 43,698, \rho < 0,05$) эмоциональных направленностей. Эти различия проявляются в том, что при высокой значимости переживания эмоций, связанных с преодолением риска, опасностей, а также эмоций, связанных с самоутверждением и славой, у респондентов также наблюдается склонность к кибербуллингу. Данное явление нашло свое отражение в ходе контент-анализа самоотчетов респондентов: «Я чувствую себя сильным, когда мне удается в спорах в комментариях победить соперника. Тут даже неважно, прав я был или нет. Главное — задавить оппонента, показав всем, что я — сила

Табл. 1. Результаты применения Н-критерия Крускала — Уоллиса

Параметры	Глорическая	Пугническая
Н	47,842	43,698
Ст.св.	2	2
Асимптотическая значимость	0,000	0,000

Table 1. Kruskal-Wallis H-test results

Parameters	Gloric orientation	Pugnic orientation
H	47.842	43.698
df	2	2
Asymp. Sig.	0.000	0.000

и мощь, а он нет» (мужчина, 19 лет, высокий уровень склонности к кибербуллингу), «Я честно не понимаю, почему люди становятся виртуальными агрессорами. Ради чего? Это ни разу не выглядит круто. Буллер скорее выглядит назойливым и токсичным, чем крутым» (женщина, 22 года, низкий уровень склонности к кибербуллингу), «Для меня кибербуллинг — как вид спорта. Суметь надавить на выбранную жертву в комментариях так, чтобы он сдался, но при этом не быть забаненным администратором группы. Своего рода игра с огнем. Не скажу, что я прямо занимаюсь этим постоянно. Это так, когда скучно, а кто-то в интернете сам нарывается» (мужчина, 21 год, средний уровень склонности к кибербуллингу).

Гипотеза исследования о существовании взаимосвязи между уровнями склонности к кибербуллингу и выраженностью эмоциональных направленностей личности была также подтверждена с помощью корреляционного анализа Спирмена (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что существуют статистически значимые взаимосвязи между уровнем склонности к кибербуллингу и выраженностью таких эмоциональных направленностей, как глорическая ($r = 0,768$, $p < 0,05$) и пугническая ($r = 0,742$, $p < 0,05$).

Выводы

Кибербуллинг — это форма асоциального поведения в интернет-пространстве, в которой действия агрессора могут варьироваться от попыток провокации конфликта до прямого оскорбления участников сетевого взаимодействия. К причинам, побуждающим агрессора к данному формату коммуникации, можно отнести стрем-

ление к самоутверждению, чувство собственной неполноценности, зависти, наличие психологических проблем и т. д. Вред кибербуллинга носит комплексный характер, затрагивая различные аспекты жизнедеятельности: физиологическую, психологическую и социальную. У жертвы могут проявиться нарушение сна, возникновение расстройств пищевого поведения, снижение самооценки, наличие суицидальных мыслей и т. д. В связи с этим кибербуллинг представляет собой отчетливую проблему современного виртуального пространства.

Эмоциональная направленность личности представляет собой свойство личности, выражающееся в стремлении переживать определенного рода эмоции. При этом сами эмоции могут быть не только оценочной реакцией на происходящие события, но и ценностью, руководствуясь которой личность склонна выстраивать свою деятельность, в том числе и социальную активность. Учитывая, что сеть Интернет выступает расширением жизненного пространства личности, эмоциональная направленность может также проявляться в выборе предпочитаемых стратегий поведения в виртуальной реальности, среди которых могут быть и асоциальные, в частности, кибербуллинг.

Исследование показало, что существуют различия в склонности к кибербуллингу у респондентов с разной эмоциональной направленностью. Так, было выявлено, что при значимости для личности глорических (эмоции при ощущении славы и самоутверждении) и пугнических (эмоции от преодоления опасностей и рисков) аффективных переживаний увеличивается ее склонность к совершению актов агрессии в сети Интернет.

Табл. 2. Результаты корреляционного анализа

Переменные	Уровень кибербуллинга
Глорическая направленность	0,768 ($p < 0,05$)
Пугническая направленность	0,742 ($p < 0,05$)

Table 2. Results of correlation analysis

Variables	Level of cyberbullying
Gloric orientation	0.768 ($p < 0.05$)
Pugnic orientation	0.742 ($p < 0.05$)

Возможность применения результатов данного исследования заключается в том, что они могут быть использованы в психологическом сопровождении личности в процессе ее интернет-социализации. Полученные результаты также могут быть использованы педагогами и психологами образовательных учреждений при разработке и реализации воспитательных программ. Перспектива дальнейших исследований заключается в поиске взаимосвязей между склонностью личности к кибербуллингу и другими особенностями ее эмоциональной и ценностно-смысловой сферы.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Литература

- Баранов, А. А., Рожина, С. В. (2015) Кибербуллинг — новая форма угрозы безопасности личности подростка. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология*, № 11, с. 62–66.
- Бобровникова, Н. С. (2015) Опасность интернета — кибербуллинг. *Восточно-европейский научный вестник*, № 1 (1), с. 6–9. EDN: [XDТАЕР](#)
- Бородина, В. Н., Петимко, А. И. (2021) Кибербуллинг среди подростков в образовательной среде как предмет исследования. *Мир науки, культуры, образования*, № 6 (91), с. 154–157. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-154-157>
- Вихман, А. А., Волкова, Е. Н., Скитневская, Л. В. (2021) Традиционные и цифровые возможности профилактики кибербуллинга. *Вестник Мининского университета*, т. 9, № 4, статья 10. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-4-10>
- Герш, Б. Г. (2015) Мотивации агрессивного поведения. *Гуманитарные проблемы военного дела*, № 3 (4), с. 115–119.
- Додонов, Б. И. (1978) *Эмоция как ценность*. М.: Политиздат, 272 с.
- Дозорцева, Е. Г., Кирюхина, Д. В. (2020) Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков. *Прикладная юридическая психология*, № 1 (50), с. 80–87.
- Зекерьяев, Р. И. (2022) Стандартизация опросника «Направленность поведения личности в интернет-пространстве». *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, № 3, с. 52–56. EDN: [PMGKРQ](#)
- Мельцов, В. М., Конов, К. Ю., Салмина, И. А. (2020) Подростковый кибербуллинг: понятие, причины возникновения и их анализ. *Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии*, № 4 (13), с. 58–60. EDN: [BKLLHF](#)
- Можейко, А. В., Иванова, Е. С. (2022) Кибербуллинг как проблема психологического самочувствия и эмоционального благополучия детей и подростков. *Матрица научного познания*, № 5-2, с. 312–318. EDN: [XHUOAA](#)
- Цилюгина, И. Б., Трофимова, Е. В. (2017) Особенности кибербуллинга в образовательной среде. *Среднее профессиональное образование*, № 12, с. 27–29. EDN: [YOUOOL](#)
- Chibbaro, J. S. (2007) School counselors and the cyberbully: Interventions and implications. *Professional School Counseling*, vol. 11, no. 1, pp. 65–68. <https://doi.org/10.1177/2156759X0701100109>
- Kowalski, R. M., Limber, S. P. (2013) Psychological, physical, and academic correlates of cyberbullying and traditional bullying. *Journal of Adolescent Health*, vol. 53, no. 1, pp. S13–S20. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2012.09.018>
- Willard, N. E. (2007) *Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress*. Champaign; Illinois: Research Press, 320 p.

References

- Baranov, A. A., Rozhina, S. V. (2015) Kiberbulling — novaya forma ugrozy bezopasnosti lichnosti podroostka [Cyberbullying is a new form of threat to the security of a teenager's personality]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo*

- universiteta im. I. Kanta — Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Philology, Pedagogy, Psychology*, no. 11, pp. 62–66. (In Russian)
- Bobrovnikova, N. S. (2015) Opasnost' interneta — kiberbulling [The danger of the Internet is cyberbullying]. *Vostochno-evropejskij nauchnyj vestnik — Eastern European Scientific Journal*, no. 1 (1), pp. 6–9. EDN: [XDTAEP](#) (In Russian)
- Borodina, V. N., Petimko, A. I. (2021) Kiberbulling sredi podrostkov v obrazovatel'noj srede kak predmet issledovaniya [Cyberbullying among adolescents in the educational environment as a subject of research]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya — World of Science, Culture, Education*, no. 6 (91), pp. 154–157. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-154-157> (In Russian)
- Chibbaro, J. S. (2007) School counselors and the cyberbully: Interventions and implications. *Professional School Counseling*, vol. 11, no. 1, pp. 65–68. <https://doi.org/10.1177/2156759X0701100109> (In English)
- Dodonov, B. I. (1978) *Emotsiya kak tsennost' [Emotion as a value]*. Moscow: Politizdat Publ., 272 p. (In Russian)
- Dozortseva, E. G., Kiryukhina, D. V. (2020) Kiberbulling i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu u podrostkov [Cyberbullying and deviant behavior in adolescents]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied Legal Psychology*, no. 1 (50), pp. 80–87. (In Russian)
- Gersh, B. G. (2015) Motivatsii agressivnogo povedeniya [Motivations of aggressive behavior]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela — Humanitarian Problems of Military Affairs*, no. 3 (4), pp. 115–119. (In Russian)
- Kowalski, R. M., Limber, S. P. (2013) Psychological, physical, and academic correlates of cyberbullying and traditional bullying. *Journal of Adolescent Health*, vol. 53, no. 1, pp. S13–S20. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2012.09.018> (In English)
- Meltsov, V. M., Konov, K. Yu., Salmina, I. A. (2020) Podrostkovyj kiberbulling: ponyatie, prichiny vozniknoveniya i ikh analiz [Teenage cyberbullying: Concept, causes and analysis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk natsional'noj gvardii*, no. 4 (13), pp. 58–60. EDN: [BKLLHF](#) (In Russian)
- Mozhejko, A. V., Ivanova, E. S. (2022) Kiberbulling kak problema psikhologicheskogo samochuvstviya i emotsional'nogo blagopoluchiya detej i podrostkov [Cyberbullying as a problem of psychological well-being and emotional well-being of children and adolescents]. *Matritsa nauchnogo poznaniya*, no. 5-2, pp. 312–318. EDN: [XHUOAA](#) (In Russian)
- Tsilyugina, I. B., Trofimova, E. V. (2017) Osobennosti kiberbullinga v obrazovatel'noj srede [Features of cyberbullying in the educational environment]. *Srednee professional'noe obrazovanie — The Journal of Secondary Vocational Education*, no. 12, pp. 27–29. EDN: [YOUOOL](#) (In Russian)
- Vikhman, A. A., Volkova, E. N., Skitnevskaya, L. V. (2021) Traditsionnye i tsifrovye vozmozhnosti profilaktiki kiberbullinga [Traditional and digital options for cyberbullying prevention]. *Vestnik Mininskogo universiteta — Vestnik of Minin University*, vol. 9, no. 4, article 10. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-4-10> (In Russian)
- Willard, N. E. (2007) *Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress*. Champaign, Illinois: Research Press, 320 p. (In English)
- Zekeryaev, R. I. (2022) Standartizatsiya oprosnika “Napravlennost' povedeniya lichnosti v internet-prostranstve” [Standardization of the questionnaire “Orientation of personality behavior in the internet space”]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie — Modern Science: Actual problems of theory and practice. Series: Cognition*, no. 3, pp. 52–56. EDN: [PMGKPO](#) (In Russian)